

автор: ибрахим абу джаафар альбулянди

История ислама.

том 4..Аббасидский халифат

750 по 945 и
с 1194 по 1258 г

вплоть до наших дней

суннизм

Ибрахим Шитик

История ислама том 4

<https://litres.ru/74141032>

SelfPub; 2026

Аннотация

история ислама том 4 аббасидский халифат (с 750 по 945 и с 1194 по 1258 год)

Содержание

Слово автора	7
Глава первая. Крушение дома Омейядов и рождение Аббасидского движения	9
1. Семена недовольства	9
2. Тайная да'ва в Хорасане	11
3. Битва при Забе и конец Омейядов	13
4. Подробности сражения при Забе	14
4. Судьба Абу Муслима и природа революции	16
Глава вторая. Абу-ль-Аббас ас-Саффах — первый халиф из дома Аббаса	17
1. «Проливающий кровь»	17
Глава третья. Аль-Мансур и основание Города Мира	19
1. Устранение соперников	19
2. Основание Багдада	21
3. Восстание Нафс аз-Закийя	23
4. Более подробно об устройстве Города Мира	24
Глава четвёртая. Аль-Махди и аль-Хади: подготовка золотого века	26
Глава пятая. Харун ар-Рашид: вершина аббасидского могущества	28
1. Человек и халиф	28
2. Семейство Бармакидов	29

4. Ночь падения Бармакидов	31
3. Держава между Востоком и Западом	33
4. Двор Харуна ар-Рашида подробнее	35
Глава шестая. Братоубийственная война аль-Амина и аль-Мамуна	37
1. Раздел, погубивший мир	37
2. Осада Багдада	39
3. Аль-Мамун — халиф-философ	40
4. Дом Мудрости и золотой век науки	41
5. Михна — испытание сотворённости Корана	43
6. Слова имама перед лицом темницы	44
6. Подробнее о переводческом движении	46
Глава седьмая. Аль-Мутасим, тюркская гвардия и Самарра	48
1. Новая опора трона	48
2. «Самаррская анархия»	50
Глава тридцать первая. Четыре несчастных халифа Самарры	52
1. Аль-Мунтасир — отцеубийца поневоле	52
2. Аль-Мустаин, аль-Мутазз и аль-Мухтади	53
Глава девятнадцатая. Восстание занджей и смута карматов	55
1. Восстание занджей	55
4. Слова предводителя восставших	57
2. Карматы и похищение Чёрного камня	59
Глава двадцать пятая. Забытые халифы: между	61

анархией Самарры и приходом Буидов	
1. Аль-Мутаид и краткое возрождение	61
2. Аль-Муктадир и истощение казны	62
3. Аль-Кахир, ар-Ради и рождение титула «амир аль-умара»	63
Глава восьмая. Тень над престолом: господство Буидов	65
1. Распад единства	65
2. Халиф без власти	67
Глава девятая. Приход турок-сельджуков и восстановление суннитского порядка	69
1. Тугрил-бек входит в Багдад	69
2. Низам аль-Мульк и расцвет суннитской учёности	71
Глава тридцать вторая. Век Буидов: между шиизмом эмиров и суннизмом халифов	73
1. Адуд ад-Дауля — вершина буидского могущества	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ибрахим Шитик

История ислама том 4

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

*Полная история Аббасидского халифата: от возвышения
до падения Багдада*

Составил раб Аллаха

Ибрахим Абу Джаафар аль-Буланди

да простит его Аллах и его родителей

Слово автора

Хвала Аллаху, Господу миров, Который ведёт историю народов и держит в Своей деснице судьбы царств и халифатов. Мир и благословение Пророку Мухаммаду, печати пророков, его роду, его сподвижникам и всем, кто последовал за ним с искренностью до Судного Дня.

Дорогой брат, дорогая сестра по вере. Перед тобой четвёртый том нашей общей работы — истории уммы Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Мы прошли с тобой путь от жизни Пророка, через праведных халифов, через испытание смутой, через век Омейядов с их завоеваниями и их грехами. Теперь мы стоим на пороге новой эпохи — эпохи Аббасидов, которая растянется на пять веков, эпохи, в которую ислам даст миру величайших учёных, величайших правителей и — да убережёт нас Аллах от подобного — одну из самых страшных катастроф в истории уммы.

Я не пишу как беспристрастный летописец, стоящий вне веры. Я пишу как мусульманин, для мусульман, веря, что история — это не просто перечень дат и имён, а книга знамений (аят), в которой Всевышний показывает нам, что происходит с народами, когда они держатся истины, и что происходит, когда они от неё отступают. Всевышний сказал в Своей Книге, что прежние народы гибли за свои грехи, и Он не меняет Своих законов. Аббасидский халифат — это, быть

может, самый яркий урок этого закона во всей мусульманской истории: пять веков славы, знания и силы, закончившиеся падением Багдада перед войском, пришедшим с Востока. Мы дойдём до этого момента, брат мой, но дойдём честно, шаг за шагом, не забегая вперёд и не упрощая.

Прошу Аллаха, чтобы этот труд был искренним ради Его лика, чтобы он принёс пользу читающему и чтобы Всевышний простил мне все ошибки, которые я, будучи слабым рабом, неизбежно допущу. Обращайся ко мне с советом и поправкой, как брат к брату. А теперь — начнём, с именем Аллаха.

Глава первая. Крушение дома Омейядов и рождение Аббасидского движения

1. Семена недовольства

Чтобы понять, как к власти пришли Аббасиды, нужно понять, чем закончился век Омейядов. Омейядский халифат, при всех своих завоеваниях — от границ Индии до Пиренеев, — нёс в себе глубокую рану, которая не заживала с самого начала: рану Кербелы, рану убийства аль-Хусейна ибн Али, да будет доволен им Аллах, и рану того, что многие мусульмане воспринимали как превращение халифата — установления, которое должно служить религии, — в обычную арабскую монархию, царство (мульк), где власть передаётся по крови, а не по достоинству и согласию уммы.

К этому добавлялась и другая, не менее болезненная проблема — отношение к новообращённым мусульманам-неарабам, которых называли мавали. Персы, жители Хорасана, Трансоксании и других земель, принимавшие ислам целыми семьями и городами, по закону Аллаха и Его Посланника были равны арабам в вере, но на практике омейядская администрация продолжала облагать их налогами, которые пола-

гались лишь немусульманам, и относилась к ним как к людям второго сорта. Это было прямым нарушением духа ислама, который аль-Куран и Сунна утверждают как религию, где превосходство человека — только в богобоязненности, а не в происхождении. Такая несправедливость рождала законный гнев, и этот гнев искал себе выход.

Третьим источником недовольства были сами Омейяды — не как правители в целом, ведь среди них были и достойные люди, такие как Умар ибн Абд аль-Азиз, да смилуется над ним Аллах, который в своё короткое правление отменил многие несправедливости. Но после него дела вновь пришли в упадок: роскошь двора, вино, охота, пренебрежение к учёным и благочестивым людям умножились при таких халифах, как аль-Валид II. Земля, как говорят, начала уставать от такого правления.

2. Тайная да'ва в Хорасане

В такой обстановке в отдалённом Хорасане, на восточной окраине халифата, начала распространяться тайная проповедь (да'ва), которая обещала перемены — приход к власти «человека из рода Пророка» (мин ахль аль-байт), который восстановит справедливость. Это движение опиралось на память о страданиях потомков Али и Фатимы, дочери Пророка, да будет доволен ими Аллах, но действовало оно от имени рода Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба — дяди Пророка, да благословит его Аллах и приветствует.

Организаторами этой да'вы были потомки Аббаса, обосновавшиеся в местечке Хумайма в южной Сирии, а также сеть проповедников (нукаба и дуат), которые действовали в глубокой тайне, опасаясь омейядских соглядатаев. Дело возглавил Мухаммад ибн Али, а после его смерти — его сын Ибрахим ибн Мухаммад, известный как Ибрахим аль-Имам.

Но подлинным гением этого движения, человеком, чьё имя навсегда останется в истории уммы, был Абу Муслим аль-Хурасани. О его происхождении рассказывают по-разному — одни говорят, что он был персом, другие — что арабом смешанного происхождения; Аллаху ведомо лучше. Важно другое: этот молодой, решительный и беспощадный организатор сумел в 747 году от Р.Х. (129 году по хиджре) поднять открытое восстание в Хорасане под чёрными знамёнами —

тем самым чёрным цветом, который, по преданиям, любил носить сам Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, в некоторых сражениях, и который стал с тех пор символом всего аббасидского дела.

Войско Абу Муслима было пёстрым: в нём были персы-мавали, недовольные арабы из южных племён (йеменитов), шииты, надеявшиеся на приход имама из рода Пророка, и просто люди, уставшие от омейядской несправедливости. Это единство разных недовольных под одним знаменем и стало той силой, что смела казавшуюся несокрушимой Омейядскую державу.

3. Битва при Забе и конец Омейядов

Аббасидское войско под черными знамёнами двинулось на запад, от победы к победе. Омейядский халиф Марван II, последний из своего дома, собрал большое войско и встретил аббасидов на берегу реки Большой Заб, притока Тигра, в 750 году от Р.Х. (132 году по хиджре). Сражение было ожесточённым, но закончилось полным разгромом омейядских сил. Марван бежал в Египет, где вскоре был настигнут и убит.

После этой битвы аббасидские войска вошли в Дамаск, столицу Омейядов, и по всей державе начались жестокие расправы над домом Омейядов — многие принцы были перебиты, вплоть до того, что, по преданиям, были разорены даже их могилы. Мы обязаны здесь сказать честно и без утайки: эта жестокость не была оправдана шариатом и легла тёмным пятном на начало Аббасидской державы. Убийство пленных и осквернение могил — это деяния, которые ни один справедливый мусульманин не может одобрить, какой бы ни была прошлая несправедливость. Аллах — Судья над всеми, и каждый ответит за свои дела.

4. Подробности сражения при Забе

Стоит рассказать подробнее о самом ходе битвы при Большом Забе, ибо летописцы сохранили немало красноречивых деталей об этом решающем дне. Войском Аббасидов на поле битвы командовал Абдуллах ибн Али, дядя будущего халифа ас-Саффаха, тогда как омейядского халифа Марвана II, по свидетельству хрониста аль-Балазури, некоторые из его же военачальников накануне сражения предостерегали от прямого столкновения, советуя измотать противника мелкими стычками и растянутой обороной вместо решающей битвы — совет, которому Марван, понадеявшийся на численное превосходство собственного войска, не последовал.

Сражение, по преданию, началось с продолжительной перестрелки, после чего аббасидские воины, многие из которых, в отличие от омейядского ополчения, состояли из закалённых в боях хорасанских частей Абу Муслима, перешли в решительную атаку сомкнутым строем, используя длинные копья против омейядской конницы, — тактика, оказавшаяся неожиданно эффективной против привычных приёмов сирийского войска Омейядов. Когда ряды Марвана дрогнули и начали отступление, оно быстро превратилось в паническое бегство, а сам халиф, по свидетельству очевидцев, вынужден был бежать с поля боя одним из первых, бросив собственный обоз и знамёна, — бесславный конец для войска, ещё недав-

но казавшегося непобедимым.

Этот разгром, брат мой, лишний раз подтверждает нам простую, но важную истину: никакая прежняя слава и никакое количество прошлых побед не гарантируют войску победы в новом сражении, если дух воинов подорван внутренним разложением, а военачальники не проявляют должной предусмотрительности. Судьба Марвана II, столь стремительно потерявшего державу, доставшуюся его предкам после десятилетий побед, — грозное напоминание всякому правителю о зыбкости мирского могущества.

Спасся лишь один из Омейядов — юный принц Абд ар-Рахман ибн Муавия, которому чудом удалось бежать через всю Северную Африку в далёкую Андалусию, где он впоследствии основал Кордовский эмират, продолживший линию Омейядов на западе мусульманского мира ещё на много веков. Так пути Всевышнего непостижимы: держава пала на востоке, но её ветвь пустила корни на западе.

4. Судьба Абу Муслима и природа революции

Важно понимать, брат мой, что Аббасидская революция не была религиозным движением в узком смысле, хотя и использовала религиозный язык и надежды шиитов на приход алида (потомка Али). Когда в 749 году Абу-ль-Аббас, потомок Аббаса, был провозглашён халифом в мечети Куфы, многие сторонники движения, ожидавшие увидеть на престоле потомка Али и Фатимы, были глубоко разочарованы и обмануты в своих надеждах. Это разочарование посеяло семена будущего противостояния между Аббасидами и алидами (шиитами), которое будет тянуться через всю последующую историю халифата и не раз обернётся кровью.

Так закончился век Омейядов, начавшийся с великой смуты и великих завоеваний и завершившийся падением дома, который правил без малого сто лет. Всевышний забирает власть у одних и отдаёт другим — таков Его непреложный закон, о котором Он сообщил нам в Своей Книге.

Глава вторая. Абу-ль-Аббас ас-Саффах — первый халиф из дома Аббаса

1. «Проливающий кровь»

Абдуллах ибн Мухаммад, получивший титул Абу-ль-Аббас ас-Саффах, стал первым халифом новой династии в 750 году от Р.Х. Прозвище «ас-Саффах» переводится как «проливающий кровь» или, по другому толкованию, «щедрый» — и оба смысла, к сожалению, оказались пророческими для его короткого, всего четырёхлетнего, правления. Он взошёл на минбар в Куфе и произнёс проповедь, в которой объявил себя избавителем от несправедливости Омейядов и защитником рода Пророка.

Правление ас-Саффаха прошло главным образом в укреплении новой власти и уничтожении остатков омейядского сопротивления, а также в подавлении восстаний тех, кто помогал Аббасидам прийти к власти, но теперь требовал своей доли — включая некоторые шиитские и хариджитские группировки в Ираке и на востоке державы.

Столицей ас-Саффах сделал не Дамаск, символ прежней власти, а город аль-Анбар в Ираке, тем самым обозначив

главный вектор новой эпохи: центр тяжести исламского мира окончательно смещался с запада, из Сирии, на восток — в Ирак и земли, некогда бывшие сердцем персидской державы Сасанидов. Это смещение имело огромные последствия: культура, администрация и даже сам дух халифата теперь будут во многом пропитаны персидским наследием — его системой управления, его придворными обычаями, его учёностью.

Ас-Саффах скончался от оспы в 754 году, оставив престол своему брату Абу Джаафару, который войдёт в историю под именем аль-Мансур — «Победоносный», и станет истинным зодчим Аббасидской державы.

Глава третья. Аль-Мансур и основание Города Мира

1. Устранение соперников

Абу Джаафар аль-Мансур правил долго — двадцать один год, с 754 по 775 год, — и именно он заложил тот фундамент, на котором Аббасидская держава простоит пять столетий. Но начало его правления было отмечено делом, о котором честный историк-мусульманин не может умолчать: расправой над Абу Муслимом аль-Хурасани, тем самым человеком, чей меч привёл Аббасидов к власти.

Абу Муслим, ставший к тому времени наместником Хорасана и человеком огромного влияния и популярности, был вызван аль-Мансуром в столицу якобы для почестей, а на деле — обманом заманен и убит по приказу халифа в 755 году. Причины этого поступка объясняют по-разному: одни говорят, что аль-Мансур опасался чрезмерной власти и амбиций Абу Муслима, который, по слухам, мог сам претендовать на власть или создать собственное независимое государство на востоке; другие видят здесь обычную для царской власти боязнь сильного полководца. Как бы то ни было, брат мой, мы обязаны сказать прямо: это было вероломством и грехом, за

который аль-Мансур будет отвечать перед Аллахом, как отвечает любой человек за пролитую без права кровь. История ислама не должна замалчивать грехи даже самых великих правителей — иначе в чём была бы её польза для нас?

Смерть Абу Муслима вызвала волнения в Хорасане и породила несколько мистических сект, которые почитали его чуть ли не пророком или даже божеством — явление, глубоко чуждое исламу и осуждённое всеми учёными того времени как явное заблуждение (гулувв).

2. Основание Багдада

Величайшим деянием аль-Мансура, тем, что переживёт века, стало основание новой столицы на берегах Тигра в 762 году от Р.Х. (145 году по хиджре). Место было выбрано с точным расчётом: там, где сходились торговые пути, где земля была плодородна, где река давала воду и защиту. Аль-Мансур назвал свой город Мадинат ас-Салям — «Город Мира», хотя в народе и в последующей истории он остался известен под старым персидским именем этого места — Багдад.

Город строился как идеальная крепость: круглый в плане, с тремя концентрическими стенами, с дворцом халифа и Соборной мечетью в самом центре — как сердце, вокруг которого бьётся вся остальная жизнь державы. Согласно преданиям, на строительстве были заняты сто тысяч мастеров и рабочих, собранных со всех концов халифата, и город был возведён в рекордные для той эпохи сроки — около четырёх лет.

Багдад стал не просто новой столицей — он стал символом целой эпохи. В последующие два с половиной века он превратится в крупнейший город мира, средоточие торговли, ремесла, науки и веры, куда будут стекаться товары из Китая и Индии, учёные из Персии, Сирии и Египта, поэты, врачи, правоведы. Именно отсюда, из этого круглого города на Тигре, ислам явит миру свою величайшую цивилизацию-

ную мощь — и именно здесь, спустя пять веков, разыграется одна из самых горьких трагедий в истории уммы, о которой мы, с соизволения Аллаха, расскажем в своё время.

3. Восстание Нафс аз-Закийя

Правление аль-Мансура не обошлось без внутренних потрясений: в 762 году, в том же году, когда закладывался Багдад, вспыхнуло восстание Мухаммада ибн Абдуллаха, потомка аль-Хасана, внука Пророка, да будет доволен им Аллах, известного как ан-Нафс аз-Закийя — «Чистая душа». Многие некогда считали, что именно он — тот самый обещанный да'вой Аббасидов «человек из рода Пророка», и его притязания находили широкий отклик среди тех, кто разочаровался в Аббасидах.

Восстание было подавлено, ан-Нафс аз-Закийя погиб в бою в Медине, а вскоре было подавлено и восстание его брата Ибрахима в Басре. Эти события окончательно закрепили раскол между Аббасидами и алидами (потомками Али) — раскол, который останется незаживающей раной в теле уммы на многие века вперёд, питая шиитское движение и порождая новые восстания в будущем.

Аль-Мансур, при всех тяготах своего правления и грехах, которые мы не вправе скрывать, создал прочную административную систему, привлёк ко двору персидских чиновников из рода Бармакидов, которые ещё сыграют большую роль в истории халифата, и оставил своему сыну аль-Махди крепкую, устроенную державу.

4. Более подробно об устройстве Города Мира

Стоит, брат мой, задержаться подробнее на устройстве самого круглого города аль-Мансура, ибо его планировка была не просто прихотью зодчих, а глубоко продуманной системой обороны и порядка. Городские стены были обращены четырьмя воротами точно по сторонам света — Куфийские ворота на юго-западе, ведущие к Куфе и далее к святым городам Хиджаза; Басрийские ворота на юго-востоке, открывавшие путь к порту Басры и далее к морской торговле с Индией; Хорасанские ворота на северо-востоке, откуда начиналась дорога к Хорасану и далее в Центральную Азию, землю, из которой некогда пришло само Аббасидское движение; и Сирийские ворота на северо-западе, ведущие к Дамаску и Средиземноморью.

Между внешней и внутренней стеной располагались жилые кварталы придворных, чиновников и военачальников, каждому из которых отводился собственный, тщательно распределённый участок в соответствии с его положением при дворе, — сама эта планировка отражала строгую иерархию аббасидского двора. В самом же центре города, за третьей, внутренней стеной, находилась просторная площадь, на которой возвышались дворец халифа, называемый Баб аз-Захаб («Золотые врата») за позолоченный купол над его глав-

ным залом, и примыкавшая к нему Соборная мечеть — так что халиф в буквальном смысле восседал в самом сердце своей столицы, отделённый от простого народа несколькими кольцами стен и стражи.

Помимо самого круглого города, вскоре разросся и обширный посад за его пределами, где селились ремесленники, торговцы и простой люд, привлечённые в новую столицу перспективами заработка и покровительством халифского двора; уже спустя несколько десятилетий после основания Багдад далеко перерос первоначальные пределы круглого города аль-Мансура, охватив собой оба берега Тигра и став тем огромным мегаполисом, о котором с восхищением писали путешественники и географы последующих столетий.

Сообщается также, что при закладке города аль-Мансур советовался с астрологами и учёными людьми о наиболее благоприятном расположении звёзд для начала строительства — обычай, унаследованный от персидской придворной традиции и, по мнению некоторых более строгих богословов того и последующего времени, не вполне уместный для правителя правоверных, чья опора должна быть исключительно на волю и предопределение Аллаха, а не на гадания по звёздам. Мы приводим это предание, брат мой, не в осуждение аль-Мансура огульно, но как честное напоминание о том, что даже основатели державы порой несли на себе отпечаток обычаев прежних, доисламских цивилизаций, из земель которых происходили их советники и чиновники.

Глава четвёртая. Аль-Махди и аль-Хади: подготовка золотого века

После аль-Мансура престол в 775 году занял его сын аль-Махди, правивший десять лет. Его царствование запомнилось относительным миром внутри державы, покровительством наукам и литературе, а также усилением борьбы против зиндиков — так называли последователей манихейства и других учений, проникавших с востока и представлявшихся многим учёным того времени угрозой для чистоты вероучения. Аль-Махди учредил особую должность — «сахиб аз-занадика», чиновника, ответственного за преследование подобных ересей, что говорит о серьёзности, с которой Аббасиды защищали единобожие (таухид) как основу государства.

Аль-Махди также продолжил военное давление на Византийскую империю, организуя регулярные летние походы (сава'иф) в её пределы — традицию, которую унаследует и приумножит его сын, вошедший в историю как один из самых прославленных халифов ислама.

После краткого и малозначительного правления аль-Хади, сына аль-Махди, скончавшегося при не вполне ясных обстоятельствах в 786 году, престол перешёл к его брату Харуну — тому самому Харуну ар-Рашиду, чьё имя стало в па-

мнати уммы и всего мира почти синонимом самого понятия «золотой век ислама».

Глава пятая. Харун ар-Рашид: вершина аббасидского могущества

1. Человек и халиф

Харун ар-Рашид, чьё правление продлилось с 786 по 809 год, вошёл в предания как образец халифа, соединившего в себе набожность и мирское величие, любовь к знанию и суровость правителя, щедрость и осторожность. Многие истории о нём, особенно те, что вошли позднее в сборник «Тысяча и одна ночь», окрашены вымыслом и не должны приниматься за достоверную историю — мы обязаны честно отделять предание от факта. Но даже отбросив легенды, мы видим в летописях образ правителя, ежегодно совершавшего хадж или возглавлявшего военный поход против Византии, чередуя год благочестивого паломничества с годом джихада на границе.

При его дворе Багдад достиг невиданного расцвета: по свидетельствам современников, в городе проживало по разным оценкам от нескольких сот тысяч до более чем миллиона жителей, что делало его крупнейшим городом мира того времени, затмевавшим и Константинополь, и любую столицу Западной Европы.

2. Семейство Бармакидов

Значительную часть правления Харуна фактическая власть в управлении державой находилась в руках семьи Бармакидов — персидского рода, восходившего, по преданию, к жрецам буддийского храма в Балхе, принявшего ислам и достигшего высочайших постов визирей. Яхья ибн Халид аль-Бармаки и его сыновья, в особенности Джафар аль-Бармаки, управляли делами халифата с большим искусством, покровительствовали переводчикам, врачам и поэтам, и немало способствовали тому культурному подъёму, который принято связывать с именем самого Харуна.

Но в 803 году произошло событие, вошедшее в историю как «падение Бармакидов» (накба аль-Баратика): внезапно и жестоко Харун приказал казнить Джафара аль-Бармаки, а остальных членов семьи заключить в темницу и конфисковать их огромные богатства. Причины этого поворота до конца не ясны — источники называют то тайную связь Джафара с сестрой халифа Аббасой, то опасения Харуна перед чрезмерным влиянием и богатством этого рода, то интриги завистливых придворных. Аллаху ведомо лучше об истинных причинах. Мы же обязаны отметить, что подобная резкая и кровавая расправа с некогда преданными слугами — печальная, но повторяющаяся черта нравов халифского двора, слишком часто напоминавшая обычаи персидских и ви-

зантийских монархий больше, чем справедливость, заповеданную исламом.

4. Ночь падения Бармакидов

Хронисты, включая ат-Табари, сохранили подробный и по-своему драматичный рассказ о самой ночи, когда решилась судьба семьи Бармакидов, — рассказ, заслуживающий более подробного изложения. По этому преданию, Харун ар-Рашид, уже приняв тайное решение о расправе, ещё накануне вечером милостиво беседовал с Джафаром аль-Бармаки на пиру, ничем не выдавая своих истинных намерений, — деталь, которую позднейшие историки нередко приводят как пример того, сколь непроницаемым порой было для окружающих подлинное состояние души правителя, способного скрывать смертельный приговор за маской обычной благосклонности.

В ту же ночь, согласно преданию, Джафар был схвачен по прямому приказу халифа и казнён, а его тело, по одной из версий рассказа, было выставлено на всеобщее обозрение на багдадском мосту в течение нескольких месяцев — унижение, невыносимое по отношению к человеку столь высокого прежде положения и заслуг перед державой. Остальные члены семьи, включая престарелого Яхью ибн Халида, много лет фактически управлявшего делами халифата, были заключены в темницу, где Яхья и скончался спустя несколько лет, а огромные богатства Бармакидов были конфискованы в казну.

Причины столь внезапной и жестокой расправы, как мы уже отмечали, остаются предметом споров среди историков вплоть до наших дней: часть хронистов указывает на некое тайное недозволенное родство или связь между Джафаром и сестрой халифа Аббасой, часть — на банальную зависть и опасения перед чрезмерным богатством и влиянием этого рода, способного, как опасался, возможно, сам Харун, в конечном счёте затмить или даже низложить самого халифа. Мы, брат мой, не берёмся разрешить этот исторический спор с полной уверенностью, но должны ещё раз подчеркнуть то, что уже говорили: столь внезапная и жестокая расправа над многолетними, преданными слугами державы, какими бы ни были её истинные причины, остаётся тёмным пятном на правлении Харуна ар-Рашида, которое честный историк-мусульманин не вправе замалчивать ради одной лишь славы золотого века, обычно связываемой с его именем.

3. Держава между Востоком и Западом

При Харуне ар-Рашиде Аббасидский халифат поддерживал дипломатические сношения даже с далёким франкским королём Карлом Великим — предание об обмене посольствами и о подаренном франкскому владыке слоне по имени Абу-ль-Аббас (в честь основателя династии) сохранилось у западных хронистов и отражает истинное величие и протяжённость связей халифата того времени, от Атлантики до границ Китая.

Одновременно продолжалось противостояние с Византией: Харун лично возглавлял походы против императрицы Ирины, а затем против императора Никифора I, добиваясь выплаты дани и подтверждения границ. Эти походы служили не только военным, но и религиозным целям, укрепляя образ халифа как воина ислама (гази), продолжателя дела ранних завоеваний.

Харун ар-Рашид скончался в 809 году в городе Тус, на востоке державы, куда он направлялся для подавления восстания в Хорасане. Ещё при жизни он разделил державу между своими сыновьями — аль-Амином, которому досался Багдад и западная часть халифата, и аль-Мамуном, получившим Хорасан и восток, — раздел, который, вопреки надеждам отца избежать раздора, приведёт вскоре к одной из самых кро-

вавых междоусобных войн в истории Аббасидов.

4. Двор Харуна ар-Рашида подробнее

Стоит также сказать подробнее о самом придворном укладе жизни при Харуне ар-Рашиде, ибо именно эта эпоха задавала образец, которому в той или иной мере подражали многие последующие мусульманские дворы. Церемониал приёма послов и подданных был выстроен с тщательно продуманной пышностью, призванной внушить почтение к сану халифа: посетитель проходил через анфиладу залов, каждый из которых был убран богаче предыдущего, прежде чем достигал самого тронного зала, где халиф восседал в окружении визирей, военачальников и придворных поэтов.

При дворе Харуна процветало искусство музыки: такие музыканты, как Ибрахим аль-Маусили и его сын Исхак аль-Маусили, пользовались огромным уважением и щедрым покровительством халифа, хотя вопрос о дозволенности музыки в исламе оставался и остаётся предметом богословских споров между различными школами и учёными — вопрос, который мы, следуя за многообразием мнений самих факихов, не берёмся здесь разрешать в ту или иную сторону окончательно, ограничиваясь лишь констатацией того, сколь заметное место музыкальное искусство в действительности занимало в придворной жизни той эпохи.

Что же касается упомянутого нами посольского обмена с франкским королём Карлом Великим, то, по свидетельству

западных хронистов, в частности анонимного жизнеописания Карла, франкские послы, прибывшие в Багдад, были поражены великолепием халифского двора и щедростью даров, среди которых, помимо упомянутого слона по имени Абуль-Аббас, значились также драгоценные ткани, ароматические вещества, водяные часы искусной работы и другие диковины восточной роскоши, произведшие на европейцев того времени, привыкших к куда более скромному быту собственных дворов, поистине ошеломляющее впечатление.

При этом важно отметить, брат мой: столь пышный придворный быт требовал огромных расходов, которые ложились в конечном счёте на плечи податного населения державы, и некоторые более благочестивые современники и позднейшие историки не без основания видели в подобной роскоши семена того морального разложения верхов, о котором мы уже говорили в главе о причинах последующего упадка халифата, — тонкая грань между заслуженным величием религии и правителя, с одной стороны, и излишним, обременительным для подданных мотовством, с другой, которую многие правители, включая и самого Харуна ар-Рашида, порой переступали.

Глава шестая. Братоубийственная война аль-Амина и аль-Мамуна

1. Раздел, погубивший мир

Харун ар-Рашид, желая избежать раздора между сыновьями, составил завещание, скреплённое клятвами в самой Каабе в Мекке: аль-Амин, сын арабской жены-курайшитки Зубайды, получал Багдад и западную часть халифата и титул халифа; аль-Мамун, сын персидской наложницы, получал обширный и богатый Хорасан с широкой автономией и признавался наследником престола после брата. Замысел отца был мудр в теории, но, как слишком часто бывает в делах престолонаследия, оказался бессилён перед честолюбием и недоверием людей.

Едва аль-Амин утвердился в Багдаде в 809 году, между братьями началось скрытое, а затем и открытое противостояние. Аль-Амин, подстрекаемый придворными, попытался лишить аль-Мамуна прав наследования и назначить наследником собственного малолетнего сына. Аль-Мамун в Хорасане отказался это признать, и в 811 году между братьями началась война — одна из самых горьких страниц в истории уммы, ибо это была война не с неверными и не с внешним

врагом, а между сыновьями одного отца за престол халифа правоверных.

2. Осада Багдада

Полководец аль-Мамуна, Тахир ибн аль-Хусейн, прозванный «Обоюдоруким» за одинаковое искусное владение обеими руками в бою, разгромил войска аль-Амина и в 812 году осадил сам Багдад. Осада длилась больше года и обернулась подлинным бедствием для Города Мира: районы города обстреливались катапультами, горели кварталы, гибли простые жители, не имевшие никакого отношения к распре братьев. Мы должны честно признать, брат мой: сам Багдад, чудо архитектуры и учёности, впервые в своей истории познал ужас войны от рук самих мусульман, ещё за четыре с половиной века до нашествия монголов.

В 813 году город пал, аль-Амин попытался бежать, но был схвачен и убит воинами Тахира — деяние, которое многие современники и позднейшие историки осудили как недопустимое царубийство, ведь аль-Амин, как ни суди о его правлении, оставался законным халифом и потомком Пророка. Аль-Мамун, узнав о смерти брата, по преданию, искренне скорбел и порицал излишнюю жестокость своих полководцев, но дело было сделано.

3. Аль-Мамун — халиф-философ

Абдуллах аль-Мамун правил долго, с 813 по 833 год, и вошёл в историю как один из самых образованных и любознательных правителей ислама, а вместе с тем — как правитель, чьи религиозные решения вызвали один из самых тяжёлых расколов в истории суннитской уммы, о котором мы расскажем ниже с полной откровенностью.

Первые годы его правления прошли в подавлении сопротивления в самом Багдаде, который поначалу не желал признавать халифом человека, пришедшего с востока с персидской и хорасанской свитой, и в успокоении державы после разрушительной гражданской войны. Постепенно аль-Мамун сумел утвердить свою власть и обратил свою неутомимую энергию на дела науки и веры.

4. Дом Мудрости и золотой век науки

При аль-Мамуне в Багдаде расцвело учреждение, начатое ещё при его предшественниках, но достигшее подлинного величия именно при нём — Байт аль-Хикма, «Дом Мудрости». Это было собрание библиотеки, обсерватории и школы переводчиков, куда стекались рукописи греческих, персидских и индийских учёных, переводимые на арабский язык такими мастерами, как Хунайн ибн Исхак, сириец-христианин, чьи переводы трудов Галена, Аристотеля и Евклида заложили основу для последующего расцвета арабо-мусульманской науки.

Именно в эту эпоху трудился Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми, чьё имя дало миру слово «алгоритм», а его труд по решению уравнений — само слово «алгебра» (аль-джабр). Именно тогда в Багдаде велись наблюдения за звёздами, измерялась окружность земли с точностью, поражающей и сегодня, переводились и осмыслялись труды древних философов. Мы должны с гордостью и благодарностью Аллаху сказать: ни один народ того времени не сделал для сохранения и приумножения человеческого знания столько, сколько сделала умма Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, в эти багдадские века. Наука не противоречила вере — величайшие врачи и математики того времени были одновременно и людьми глубокой набожности, видевшими в

изучении творения путь к познанию Творца.

5. Михна — испытание сотворённости Корана

Но именно аль-Мамун повинен и в одном из самых тяжёлых потрясений в истории суннитского вероучения — в так называемой михне, «испытании». Под влиянием богословской школы мутазилитов, которые учили, среди прочего, что Коран, будучи Словом Аллаха, тем не менее сотворён (махлюк), а не совечен Аллаху, аль-Мамун в 833 году, незадолго до своей смерти, издал указ, обязывающий всех судей, учёных и мухаддисов (передатчиков хадисов) публично признать это учение под угрозой темницы, плети и лишения должности.

Для большинства мусульман-суннитов той эпохи, опиравшихся на понимание сподвижников и первых поколений (сальяф), Коран есть несотворённое Слово Аллаха, и объявлять его сотворённым означало умалять само величие Всевышнего и Его атрибутов. Против этого насилия властей встал один человек, чьё имя навеки останется символом стойкости в вере — имам Ахмад ибн Ханбаль, да смилуется над ним Аллах. Брошенный в темницу, подвергаемый бичеванию, он отказался произнести то, что противоречило его убеждению об истине, и этим стойким сопротивлением, по милости Аллаха, в конечном счёте спас суннитское вероучение от насаждаемого сверху заблуждения.

6. Слова имама перед лицом темницы

Биографы имама Ахмада ибн Ханбаля, в частности его собственный сын Салих и позднейший составитель его жития Ибн аль-Джаузи, сохранили подробный рассказ о допросах, которым подвергался имам во время михны, — рассказ, заслуживающий того, чтобы привести его подробнее. Приведённый на допрос к халифскому наместнику в Багдаде, имам Ахмад, по этим свидетельствам, был спрошен напрямую: «Что ты скажешь о Коране?» — на что он неизменно отвечал: «Коран — Слово Аллаха», отказываясь добавить требуемое «сотворённое», сколько бы раз ни повторялся вопрос.

Когда увещевающие указывали ему на опасность, грозящую ему за подобное упорство — плеть, темницу, а возможно, и саму смерть, — имам Ахмад, по преданию, отвечал, что боится послушаться Аллаха куда больше, чем гнева любого земного правителя, и что если он, обладающий определённым авторитетом среди простых мусульман, уступит и признает навязываемое учение, то простой народ, не разбирающийся в тонкостях богословского спора, последует за ним в заблуждение, тогда как его стойкость, если Аллах того пожелает, удержит многих от подобной уступки.

После продолжительного заключения и, по ряду свидетельств, публичного бичевания, от которого имам Ахмад ед-

ва не скончался, он тем не менее не отступил от своих слов. Когда испытание, наконец, закончилось при аль-Мутаваккиле, толпы простых багдадцев, по свидетельству современников, вышли встречать освобождённого имама с почестями, воспринимая само его освобождение как торжество истины над насилием власти. Имам Ахмад ибн Ханбаль скончался в 855 году, и, по преданию, на его похороны в Багдаде собралось поистине огромное число людей — свидетельство того почёта, каким его стойкость в вопросах веры была вознаграждена в глазах всей уммы.

Михна продолжалась и при преемниках аль-Мамуна — аль-Мутасиме и аль-Васике — и была отменена лишь при халифе аль-Мутаваккиле в 848 году, о чём мы расскажем ниже. Этот эпизод — суровое напоминание всякому мусульманину о том, сколь опасно, когда мирская власть халифа вторгается в дела вероучения и пытается навязать умме то, на чём нет согласия учёных и понимания благочестивых предков. Величайшие правители могут ошибаться в вопросах веры не меньше, чем в вопросах политики, и долг искреннего верующего — держаться истины, даже когда против него сама власть.

6. Подробнее о переводческом движении

Стоит рассказать несколько подробнее о самом переводческом движении, о котором мы уже упомянули в связи с Домом Мудрости, ибо это был не единичный проект одного учреждения, а многовековое, широко распределённое по всему халифату дело, в которое было вовлечено множество учёных различных вероисповеданий. Помимо уже упомянутого Хунайна ибн Исхака, значительный вклад в перевод греческого научного и философского наследия внесли его сын Исхак ибн Хунайн, а также Сабит ибн Курра — сабиец из Харрана, переводивший труды по математике и астрономии, в частности сочинения Архимеда и Аполлония Пергского, остававшиеся в противном случае утраченными для последующих поколений, поскольку многие греческие оригиналы этих трудов впоследствии не сохранились и известны нам теперь лишь по арабским переводам той эпохи.

Финансирование этого грандиозного переводческого предприятия осуществлялось как самими халифами, так и состоятельными покровителями наук при дворе, в частности семьёй Бану Муса — тремя братьями, сыновьями бывшего разбойника с большой дороги, ставшими впоследствии выдающимися математиками и покровителями учёных, снаряжавшими за собственный счёт целые экспедиции в Визан-

тию для розыска и приобретения греческих рукописей, порой за огромные деньги, что свидетельствует о том, сколь высоко в эту эпоху ценилось знание само по себе, независимо от его практической выгоды.

Важно отметить, брат мой, что мусульманские учёные того времени не просто механически переводили и заимствовали греческое наследие, но критически его перерабатывали, исправляли обнаруженные ошибки, дополняли собственными наблюдениями и открытиями и лишь затем передавали это обогащённое знание дальше — в частности, через мусульманскую Испанию, оно впоследствии дошло и до христианской Европы, где в двенадцатом-тринадцатом веках началась встречная волна перевода уже арабских научных трудов на латынь, заложившая основу для последующего европейского Возрождения. Так труды багдадских переводчиков и учёных девятого века через много столетий и посредством многих промежуточных звеньев послужили, по милости Аллаха, на благо всего человечества, а не одной только уммы.

Глава седьмая. Аль-Мутасим, тюркская гвардия и Самарра

1. Новая опора трона

После аль-Мамуна в 833 году престол занял его брат Абу Исхак, известный как аль-Мутасим биЛлях. Его правление примечательно прежде всего решением, последствия которого будут ощущаться в халифате столетиями: он начал в большом количестве набирать в свою личную гвардию тюркских воинов-мамлюков — рабов, привезённых или купленных в степях Центральной Азии и обученных военному делу с юных лет.

Замысел был по-своему разумен: аль-Мутасим желал иметь войско, преданное лично халифу, а не связанное узами родства и племенной солидарности с арабской и персидской знатью Багдада, чьё влияние и интриги причиняли трону немало хлопот. Но эта тюркская гвардия, чуждая местному населению по языку и обычаям, вскоре стала причинять столице новые беспокойства — стычки между тюркскими воинами и жителями Багдада участились настолько, что в 836 году аль-Мутасим принял решение перенести столицу из Багдада в новый город — Самарру, выстроенную выше

по течению Тигра специально для размещения его гвардии в отдалении от беспокойной багдадской толпы.

Самарра оставалась столицей халифата около полувека, с 836 по 892 год, и превратилась в это время в один из крупнейших городов мира — с гигантской Соборной мечетью, чей спиральный минарет (Малуия) сохранился до наших дней как немой свидетель этой эпохи. Но, брат мой, за внешним великолепием Самарры скрывался опасный процесс: власть постепенно перетекала от халифа к военачальникам его же тюркской гвардии, которые, осознав свою силу, начали сами возводить и свергать халифов по собственной воле.

2. «Самаррская анархия»

После смерти аль-Мутасима и краткого правления аль-Васика, при котором михна ещё продолжалась, престол в 847 году занял аль-Мутаваккиль аль-Аллах — правитель, вошедший в историю ислама как восстановитель суннитской ортодоксии. Уже в первый год своего правления он отменил михну, освободил заключённых за отказ признать сотворённость Корана, вернул почёт имаму Ахмаду ибн Ханбалу и другим учёным-мухаддисам и объявил учение мутазилитов о сотворённости Корана более не обязательным для государственных должностей. Это решение было встречено с великой радостью большинством мусульман-суннитов по всему халифату, увидевших в нём торжество истины над навязанным сверху заблуждением.

Однако именно при аль-Мутаваккиле выявились и первые опасные плоды политики его отца: усилившаяся тюркская гвардия, почувствовав свою силу, в 861 году составила заговор и убила самого аль-Мутаваккиля руками его же приближённых, включая, по некоторым сведениям, его собственного сына аль-Мунтасира. Этот акт цареубийства открыл собой одну из самых мрачных страниц в истории Аббасидов, получившую у историков название «самаррская анархия» — десятилетие с 861 по 870 год, за которое на престоле сменилось четыре халифа, большинство из которых бы-

ли возведены и низложены (а нередко и убиты) по воле собственной же гвардии, словно халиф стал игрушкой в руках военачальников, которым он сам некогда доверил свою защиту.

Этот период, брат мой, необходимо честно осмыслить: он показывает, к чему приводит правителя чрезмерная опора на наёмную силу, оторванную от народа и от корней самой уммы, силу, преданную не вере и не общему благу, а лишь собственной выгоде и жалованью. Урок самаррской анархии — один из первых больших предвестий той внутренней слабости, что в конечном счёте, спустя четыре столетия, откроет врата Багдада перед войском, пришедшим с востока.

Глава тридцать первая. Четыре несчастных халифа Самарры

1. Аль-Мунтасир — отцеубийца поневоле

Мы уже упоминали вкратце о десятилетии «самаррской анархии», но обстоятельства этого мрачного времени заслуживают более подробного рассказа, ибо в них ясно видны все те пороки, что подтачивали державу изнутри. После убийства аль-Мутаваккиля в 861 году престол занял его сын аль-Мунтасир, которого многие хронисты прямо обвиняют в соучастии в заговоре против собственного отца — тяжелейший грех, немислимый, казалось бы, для наследника веры Пророка, но, увы, ставший возможным в атмосфере всеобщего разложения и борьбы клик за влияние на трон.

Аль-Мунтасир правил менее года и скончался при обстоятельствах, также вызывающих подозрение в отравлении — судьба, которая словно бы стала возмездием за грех, совершённый им против собственного отца. Аллах — лучший из судей, и участь аль-Мунтасира, скончавшегося вскоре после захвата власти, столь несправедно добытой, служит горьким назиданием для потомков.

2. Аль-Мустаин, аль-Мутааз и аль-Мухтади

После аль-Мунтасира тюркская гвардия возвела на престол аль-Мустаина, но вскоре часть той же гвардии, недовольная его правлением, низложила его и провозгласила халифом аль-Мутаазом. Между сторонниками двух претендентов вспыхнула настоящая гражданская война в самом Багдаде и Самарре, завершившаяся низложением и вскоре смертью аль-Мустаина в 866 году.

Аль-Мутааз, в свою очередь, правил всего три года и в 869 году был свергнут и убит собственной же тюркской гвардией, недовольной задержками в выплате жалованья, — предельно циничная и горькая картина того, до какой степени институт халифата к этому времени зависел от прихотей наёмного войска, готового возводить и свергать повелителей правоверных ради собственного материального интереса. Его преемник аль-Мухтади, напротив, прославился личным благочестием и попыткой навести порядок в делах державы, за что заслужил уважение современников, но и он был свергнут и убит уже в следующем, 870 году, той же неуправляемой военной силой, что определяла судьбы халифов на протяжении всего этого десятилетия.

Лишь с приходом к власти аль-Мутамида в 870 году и, что важнее, благодаря энергичной деятельности его брата и фак-

тического правителя аль-Муваффака — того самого полководца, что впоследствии подавит восстание занджей, о котором мы уже рассказывали, — держава начала медленно восстанавливать некоторое подобие порядка. Но, брат мой, десятилетие «самаррской анархии» оставило неизгладимый след в памяти уммы: оно наглядно показало, сколь хрупким может оказаться самое могущественное государство, если войско, призванное защищать его, само становится источником беззакония и произвола.

Глава девятнадцатая. Восстание занджей и смута карматов

1. Восстание занджей

Одним из самых тяжёлых внутренних потрясений, постигших халифат в разгар самаррской анархии, стало восстание занджей — так называли чернокожих рабов, преимущественно восточноафриканского происхождения, трудившихся в тяжелейших условиях на осушении засоленных земель и очистке их от селитры в окрестностях Басры на юге Ирака. В 869 году эти доведённые до отчаяния люди подняли восстание под предводительством Али ибн Мухаммада, объявившего себя потомком рода Пророка и обещавшего восставшим свободу и справедливость.

Восстание охватило огромные территории южного Ирака, повстанцы взяли и разграбили сам город Басру в 871 году, создали собственное государство, просуществовавшее почти пятнадцать лет и представлявшее серьёзную угрозу самому существованию халифата, ослабленного в это время внутренними распрями в Самарре. Лишь к 883 году, после долгой и кровопролитной войны, аббасидским войскам под командованием способного военачальника аль-Муваффака

удалось разгромить последние оплоты восставших и восстановить контроль над южным Ираком.

4. Слова предводителя восставших

Хронист ат-Табари, чей труд остаётся главным источником сведений об этом восстании, приводит немало подробностей о речах и посланиях предводителя занджей Али ибн Мухаммада, обращённых к своим последователям и к противостоявшим ему аббасидским военачальникам. В одном из таких посланий, адресованном осаждённым жителям Басры, предводитель восставших, по свидетельству ат-Табари, обещал пощаду тем, кто добровольно откроет ему ворота города, и суровую кару тем, кто окажет сопротивление, — риторика, характерная для многих подобных восстаний той эпохи, сочетавшая обещания справедливости для угнетённых с прямыми угрозами в адрес несогласных.

Аббасидский полководец аль-Муваффах, о котором мы уже рассказывали, в свою очередь, по сообщению того же ат-Табари, в посланиях к восставшим невольникам призывал их одуматься и вернуться к повиновению законной власти, обещая амнистию рядовым участникам восстания, если те откажутся от дальнейшего сопротивления и выдадут своих предводителей, — политика кнута и пряника, в конечном счёте способствовавшая постепенному распаду сил восставших по мере того, как затягивалась и без того тяжёлая для обеих сторон многолетняя война.

Мы должны, брат мой, признать сложность и неодно-

значность нравственной оценки этого восстания: с одной стороны, жестокости, чинимые восставшими невольниками над мирным населением захваченных городов, о которых также сообщают хронисты, не могут быть оправданы никакой прежней несправедливостью; с другой стороны, сами условия подневольного труда, толкнувшие этих людей на восстание, также представляли собой нарушение исламских норм обращения с невольниками, о чём мы уже говорили. История восстания занджей учит нас, что затянувшаяся несправедливость по отношению к любой группе людей, сколь бы низким ни было их положение в глазах общества, рано или поздно порождает ответное насилие, губительное для всех сторон конфликта, — урок, актуальный далеко не только для той далёкой эпохи.

Восстание занджей, брат мой, при всей жестокости, проявленной обеими сторонами в ходе этой войны, заставляет нас честно задуматься о том, в какой мере условия труда и обращение с невольниками в некоторых частях халифата в действительности соответствовали тем строгим нормам исламского права, которые предписывают обращаться с рабами милосердно, кормить их той же пищей, что и себя, и облегчать им путь к свободе. Там, где эти нормы нарушались корыстью землевладельцев, накапливался гнев, который рано или поздно прорывался наружу с разрушительной силой.

2. Карматы и похищение Чёрного камня

Иным по своей природе, но не менее опасным для единства уммы стало движение карматов — ответвление исмаилитского шиизма, основанное Хамданом Кармата в конце девятого века и распространившееся особенно широко среди бедуинских племён Бахрейна и восточной Аравии. Карматы создали собственное государство и проповедовали учения, которые большинство суннитских и даже многие шиитские учёные того времени считали выходящими за пределы ислама вообще.

Самым потрясшим весь мусульманский мир деянием карматов стало нападение на Мекку во время хаджа в 930 году, когда их предводитель Абу Тахир аль-Джаннаби учинил в святом городе резню паломников и, что вызвало наибольший ужас у мусульман всех толков, увёз из Мекки священный Чёрный камень (аль-Хаджар аль-Асвад) — с места его нахождения в Каабе. Камень оставался в руках карматов более двадцати лет и был возвращён на своё место в Каабе лишь в 951 году, причём, по преданию, в изрядно повреждённом виде.

Эти события произвели на всю умму глубочайшее потрясение и явились ещё одним горьким свидетельством того, до какой степени раздор и внутренняя смута, охватившая му-

сульманский мир в десятом веке, ослабили саму способность халифата защищать даже самые священные для всех мусульман места. Аббасидский халиф, лишённый в это время реальной военной силы, не смог ни предотвратить это святотатство, ни быстро добиться возвращения святыни — красноречивое свидетельство глубины упадка центральной власти в эту эпоху.

Глава двадцать пятая. Забытые халифы: между анархией Самарры и приходом Буидов

1. Аль-Мутаид и краткое возрождение

После окончания «самаррской анархии» и возвращения столицы в Багдад держава пережила период относительного укрепления центральной власти при халифе аль-Мутаиде, правившем с 892 по 902 год. Этот энергичный правитель сумел восстановить военную и финансовую дисциплину, подавить ряд местных мятежей и на время вернуть халифату часть его прежнего международного веса — эпизод, часто именуемый историками «вторым расцветом» Аббасидов, хотя и несравнимо более скромным, нежели времена Харуна ар-Рашида.

Его сын и преемник аль-Муктафи, правивший с 902 по 908 год, продолжил эту политику укрепления, в частности покончив с государством Тулунидов в Египте и на время вернув эту богатую провинцию под непосредственное управление Багдада.

2. Аль-Муктадир и истощение казны

Однако наиболее продолжительное правление этого периода — халифа аль-Муктадира, занимавшего престол с 908 по 932 год почти без перерыва, если не считать двух кратких низложений, — ознаменовалось, к сожалению, обратным процессом: расточительностью двора, придворными интригами многочисленных временщиков-визирей, сменявших друг друга едва ли не ежегодно, и катастрофическим истощением государственной казны, вынуждавшим правительство прибегать к чрезвычайным поборам и раздаче должностей на откуп, что лишь усугубляло финансовое расстройство державы.

Именно в правление аль-Муктадира произошло уже упомянутое нами разграбление Мекки карматами в 930 году — событие, которое сам халиф, поглощённый придворными интригами и финансовыми затруднениями, оказался не в состоянии ни предотвратить, ни быстро отомстить за него. Аль-Муктадир был в конце концов свергнут и убит в 932 году в результате очередного дворцового переворота — судьба, которая, увы, постигла в этот беспокойный век далеко не одного аббасидского халифа.

3. Аль-Кахир, ар-Ради и рождение титула «амир аль-умара»

Его брат и преемник аль-Кахир правил недолго и жестоко, был низложен и ослеплён — участь, которая в последующие десятилетия станет печально частой для низложенных халифов этой эпохи. Пришедший ему на смену халиф ар-Ради, правивший с 934 по 940 год, вошёл в историю как последний из аббасидских халифов, обладавший хотя бы видимостью самостоятельной политической власти: именно при нём, ввиду полного истощения казны и неспособности центрального правительства собирать налоги, был введён титул «амир аль-умара» («эмир над эмирами»), переданный военачальнику Ибн Раику, — титул, который, как мы уже видели на страницах этой книги, вскоре перешёл к персидским эмирам из рода Буидов, окончательно превратив халифа в носителя чисто духовного, а не политического главенства.

Так, шаг за шагом, на протяжении десятилетий, предшествовавших приходу Буидов в 945 году, реальная власть Аббасидских халифов таяла — не в результате единой катастрофы, а вследствие долгого, постепенного истощения казны, придворных интриг, частой смены никчёмных визирей и неспособности справиться с внутренними и внешними вызовами. Этот медленный, почти незаметный современникам упадок, брат мой, часто оказывается опаснее внезапного уда-

ра — ибо привыкание к постепенно ухудшающемуся положению дел усыпляет бдительность и мешает вовремя осознать всю глубину надвигающейся опасности, урок, который стоит помнить не только применительно к делам минувших веков.

Глава восьмая. Тень над престолом: господство Буидов

1. Распад единства

Десятое столетие от Рождества Христова стало для Аббасидского халифата временем стремительного распада той огромной единой державы, что некогда простиралась от Атлантики до Инда. Уже в конце девятого века отделился Египет под властью Тулунидов, а затем Ихшидидов; Северная Африка почти полностью вышла из повиновения Багдаду; в Испании продолжал независимо править Кордовский эмират потомков Омейядов, правитель которого в 929 году и во все принял титул халифа, тем самым бросив прямой вызов единству уммы под одним халифатом. На востоке усиливались персидские династии Саманидов и других родов, признававших власть Багдада лишь номинально.

Ещё более тяжёлый удар был нанесён изнутри самого исламского мира шиитской ветвью исмаилитов: в 909 году в Северной Африке была провозглашена держава Фатимидов, чьи правители открыто объявили себя халифами — законными имамами уммы, в противовес Аббасидам, — что привело к беспрецедентному положению, когда в мире одновре-

менно существовало три враждующих между собою «халифата»: аббасидский суннитский в Багдаде, фатимидский ишмаилитский в Каире и омейядский в Кордове.

В самом Ираке к середине десятого века центральная власть аббасидских халифов настолько ослабла, что в 945 году в Багдад вошли войска персидской династии Буидов (Бувайхидов) — рода из Дайлама на южном берегу Каспия, исповедовавшего шиизм зейдитского толка. Буидский эмир Муизз ад-Даула принял титул «амир аль-умара» — «эмир эмиров» — и с этого момента халиф в Багдаде стал в полном смысле слова пленником в собственном дворце: сохраняя формальный титул и духовный авторитет как потомок Аббаса, он лишился какой-либо реальной политической и военной власти, которая полностью перешла к буидским эмирам.

2. Халиф без власти

Более столетия, с 945 по 1055 год, Аббасидские халифы правили лишь по имени. Их жалование и содержание назначались Буидами, порой весьма скудно; некоторые халифы этого периода подвергались ослеплению или низложению по прихоти эмиров — так, халиф аль-Мустакфи был ослеплён в 946 году сразу же после того, как Буиды закрепились у власти, а другие правители жили под постоянной угрозой. Пятничная хутба (проповедь) продолжала произноситься с именем аббасидского халифа по всему суннитскому миру, и в этом смысле духовное единство уммы формально сохранялось, но реальная власть, брат мой, окончательно отделилась от халифского титула — урок, который стоит запомнить: почёт и звание без силы и справедливого правления есть лишь пустая оболочка.

При этом важно отметить, что Буиды, будучи шиитами, тем не менее не решились упразднить аббасидский суннитский халифат как таковой — слишком глубоко он был укоренён в сознании большинства населения Ирака и всего мусульманского мира. Это *show* само по себе свидетельствует о том непреходящем символическом и религиозном значении, которое сан халифа сохранял в глазах уммы, даже будучи лишён подлинной власти.

Именно в эту эпоху унижения халифской власти в разных

концах исламского мира продолжали, тем не менее, трудиться великие учёные и мыслители — достаточно вспомнить врача и философа Ибн Сину (известного на Западе как Авиценна), математика и физика Ибн аль-Хайсама, заложившего основы современной оптики, и многих других, чьи труды продолжали прославлять умму даже в годы политического упадка её халифов. Так Аллах показывает нам, что свет знания и веры не гаснет полностью даже тогда, когда меркнет политическое могущество.

Глава девятая. Приход турок-сельджуков и восстановление суннитского порядка

1. Тугрил-бек входит в Багдад

Спасение суннитского халифата от шиитского засилья Буидов пришло с неожиданной стороны — от кочевых тюркских племён огузов, принявших ислам и объединившихся под властью рода Сельджукидов. Под предводительством Тугрил-бека сельджуки, разгромив войска Газневидов и других соперников, стремительно продвинулись из степей Центральной Азии через Хорасан и Персию к самому сердцу халифата.

В 1055 году Тугрил-бек торжественно вступил в Багдад, положив конец власти Буидов. Аббасидский халиф аль-Казим би-Амри-Лях, обрадованный избавлением от шиитской опеки, торжественно провозгласил Тугрил-бека султаном — новым правителем от имени халифа, защитником и мечом суннитского ислама. Так родилась формула, которая станет типичной для последующих веков истории халифата: халиф — духовный и символический глава уммы, источник легитимности; султан — реальный носитель военной и полити-

ческой власти, действующий формально от имени халифа. Это разделение духовной и мирской власти, брат мой, при всей своей практической целесообразности, ещё больше отдаляло реальное управление от собственно халифского института.

2. Низам аль-Мульк и расцвет суннитской учёности

Подлинным зодчим сельджукского государства и, без преувеличения, одним из величайших государственных умов всей мусульманской истории стал визирь Низам аль-Мульк, служивший султанам Алп-Арслану и Мелик-шаху. Именно по его инициативе в крупнейших городах халифата — Багдаде, Нишапуре, Исфахане и других — были основаны знаменитые Низамийские медресе (ан-Низамийя), учебные заведения, дававшие систематическое образование в шариатских науках, арабском языке, богословии и других дисциплинах и ставшие прообразом для всей последующей системы исламского религиозного образования.

Именно в багдадском Низамийском медресе некоторое время преподавал имам Абу Хамид аль-Газали, чьи труды, в особенности «Воскрешение религиозных наук» (Ихья улюм ад-дин), оказали огромное влияние на последующее развитие суннитского богословия, суфизма и этики и по праву считаются одной из вершин исламской мысли. Эпоха Низама аль-Мулька показывает нам, что даже в условиях, когда реальная политическая власть халифа была ограничена властью султанов, умма могла переживать подлинный расцвет учёности и духовности — ибо благо уммы не сводится к одной лишь политической силе её правителей.

Низам аль-Мульк был убит в 1092 году агентом секты ассасинов-низаритов — ответвления исмаилитов, обосновавшегося в неприступных горных крепостях Аламута под предводительством Хасана ас-Саббаха, — и это убийство стало одним из первых грозных предвестий той внутренней смуты и раздробленности, что охватит сельджукскую державу после смерти султана Мелик-шаха в том же 1092 году, когда единое сельджукское государство начало распадаться на враждующие между собой уделы — Сельджукидов Рума (Малой Азии), Сирии, Кирмана и других земель.

Глава тридцать вторая. Век Буидов: между шиизмом эмиров и суннизмом халифов

1. Адуд ад-Дауля — вершина буидского могущества

Наиболее выдающимся из правителей буидской династии по праву считается эмир Адуд ад-Дауля, правивший во второй половине десятого века и на время объединивший под своей властью почти весь Ирак и значительную часть Персии. Адуд ад-Дауля, при всей своей шиитской вере, проявлял значительную веротерпимость к суннитскому большинству населения Багдада и продолжал сохранять формальное почтение к аббасидскому халифу, добываясь от него, впрочем, всё новых почётных титулов для утверждения собственного величия — практика, ставшая обычной для честолюбивых правителей этой эпохи упадка халифской власти.

При его дворе в Ширазе и Багдаде продолжали трудиться выдающиеся учёные и врачи, включая знаменитого впоследствии Ибн Сину, начинавшего свою карьеру именно при дворах правителей, связанных с буидской традицией покров-

вительства наукам. Адуд ад-Дауля прославился и своими масштабными строительными начинаниями — плотинами, больницами, каналами — свидетельствующими о том, что даже в условиях политической раздробленности отдельные правители могли являть образцы рачительного и просвещённого управления своими владениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.